

НЕВОЗВРАЩЕНОЦ

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА АКАДЕМИКА А.Е. ЧИЧИБАБИНА

Ю. И. Соловьев

В историю отечественной химии Алексей Евгеньевич Чичибабин (1871-1945) вошел как автор оригинальных трудов по органическому синтезу, химии гетероциклических соединений и алкалоидов. В 1892 г. он окончил отделение естественных наук физико-математического факультета Московского университета. Работал в лабораториях, публиковал научные труды. В 1903 г. защитил диссертацию на степень магистра химии. Преподавал в Московском университете и в других учебных и научных учреждениях.

В 1914 г. молодой исследователь открыл реакцию, которая нашла мировое применение для синтеза лекарственных препаратов (реакция Чичибабина). За рубежом были зарегистрированы его многочисленные патенты на получение активных веществ для ветеринарной практики. В период Первой мировой войны и в последующие годы Алексей Евгеньевич принимал активное участие в организации отечественной фармацевтической промышленности. Ученый был членом Технического совета химической промышленности при ВСНХ, а в 1922 - 1927 гг. возглавлял научно-технический совет химико-фармацевтической промышленности (НТУ ВСНХ). Он - автор более 340 научных трудов [1, с. 340-356], в 1925 г. опубликовал учебное пособие для высших научных учреждений "Основные начала органической химии" (переиздавалось в 1929, 1931, 1932, 1954 годах, переведено на английский и украинский языки). В Московском высшем техническом училище создал научную школу (Н.Н. Ворожцов, И.Л. Кнунянц, П.А. Мошкин, В.М. Родионов и многие другие известные химики). До 1920 г., а затем в 1924 - 1930 годах - декан химического факультета Московского университета. В 1926 г. А.Е. Чичибабину присуждается премия имени В.И. Ленина за работы по химии алкалоидов и фармацевтической химии. В 1928 г. он избирается действительным членом Академии наук. Но вскоре в личной жизни ученого произошли трагические события, которые оказали пагубное влияние на его душевное состояние и научное творчество. 9 июня 1930 г. от ожогов олеумом, полученных на Дорогомиловском химическом заводе, скончалась

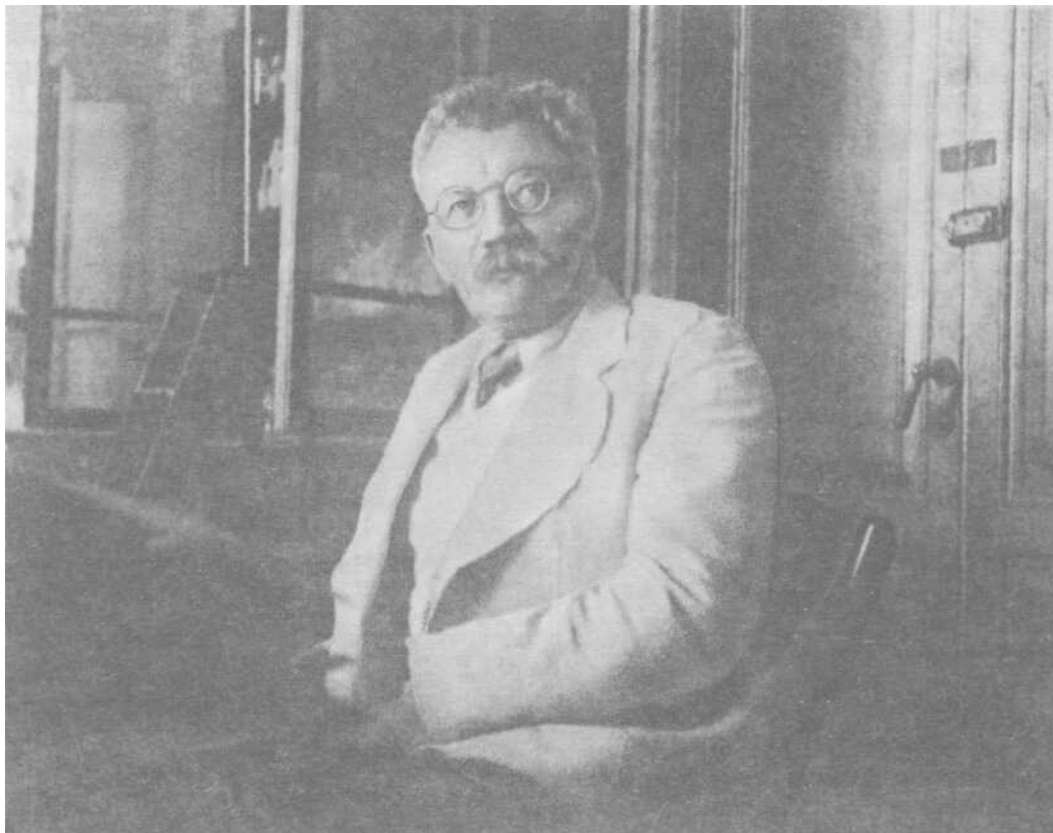
СОЛОВЬЕВ Юрий Иванович - доктор химических наук, главный научный сотрудник Архива РАН.

единственная и горячо любимая дочь академика Наташа. Эта смерть подорвала силы и здоровье выдающегося ученого, и он уже не мог продолжать активную научную работу. Осенью 1930 г. Чичибабину был предоставлен отпуск для поездки во Францию. Вместе с ученым поехала его жена Вера Владимировна. На родину академик больше не вернулся.

Два из четырех публикуемых ниже писем написаны до отъезда за границу. Первое адресовано академику В.И. Вернадскому и показывает, сколько душевных сил, времени и энергии тратил Чичибабин в 20-х годах на преодоление финансовых проблем. О подавленном состоянии Алексея Евгеньевича после смерти дочери рассказывается во втором письме. Третий документ написан уже во Франции. Он опровергает представление о том, что Чичибабин отвернулся от своей страны, от отечественной науки, от академии. Он продолжал и за границей думать о развитии химии и разработал программу ее развития. "Принадлежность к Академии наук СССР я считал и считаю высокой честью... Я хотел бы работать в полную меру остатка моих сил для СССР", - писал он 16 января 1936 г. академику Г.М. Кржижановскому [2, л. 6].

Особый интерес представляет письмо Чичибабина непрямому секретарю АН СССР Н.П. Горбунову. Это был ответ на письмо последнего от 21 февраля 1936 г.

"Многоуважаемый Алексей Евгеньевич, - писал Горбунов, - вице-президент Академии наук, Глеб Максимилианович Кржижановский, передал мне Ваши письма ему, с просьбой ответить Вам. Прежде всего, должен официально уведомить Вас, что Академия наук ни одним своим актом не освобождала вас от должности заведующего лабораторией по исследованию и синтезу растительных и животных продуктов. Но Вы сами хорошо понимаете, что нельзя из Парижа фактически руководить лабораторией, находящейся в Москве, будучи оторванным от нее в течение 5-ти лет. Временно поэтому руководит ею тов. Кацнельсон Моисей Михайлович, Вами рекомендованный. После Вашего возвращения, Вы, естественно, автоматически вступите в исполнение своих обязанностей. Должен сообщить Вам, что тов. Кацнельсон проявлял и проявляет

Академик А.Е. Чичибабин в рабочем кабинете (20-е годы).

много энергии и инициативы. Он премирован Президиумом Академии наук за свою работу по продвижению и использованию ценных достижений Лаборатории для практических нужд социалистического строительства. Мы знаем, что Лаборатория продолжает начатые Вами важные работы, знаем и ценим их, в частности, работы по синтезу пилоповой кислоты, явившейся основой для дальнейшего синтеза пилокарпина. Лаборатория имеет также и ряд совершенно новых достижений, например по разрешению проблемы получения антималярийных препаратов отебрин-акрихина. Однако эти достижения были бы, вероятно, более значительны и сама лаборатория получила бы гораздо большее развитие, чем сейчас, если бы Вы ею непосредственно руководили и сами в ней работали. Вы являетесь гражданином СССР, крупным ученым, действительным членом Академии наук и нужны нашей стране. По поручению Академии наук позвольте мне поэтому поставить перед Вами вопрос и просить прямого, ясного и откровенного ответа: - Считаете ли Вы себя обязанным целиком работать для своей Родины - Советского Союза, для усиления его мощи и процветания и, если считаете, то готовы ли Вы немедленно сделать из этого практические выводы? - Вопрос этот является закон-

ным потому, что Ваш добровольный отрыв от нашей родины принял слишком затяжные формы. Если да, то Вы должны безотлагательно вернуться в СССР и доказать это своей работой, приступив к исполнению прямых своих обязанностей, как директор вверенного Вам научного учреждения и как действительный член Академии наук. В противном случае Академия наук и, вероятно, вся страна, должны будут сделать свой вывод о Вашем к ним отношении. Разумеется, в случае Вашего возвращения, Академия наук примет все меры к созданию для Вас благоприятных условий по научной работе и в бытовом отношении. В ожидании скорого извещения о Вашем решении и с надеждой на скорое Ваше возвращение" [2, л. 9-11].

Ответ Чичибабина - исповедь ученого, крик души человека, оказавшегося в трагической ситуации и желающего за пределами страны отдать ей все силы. В его письме приводятся очень веские основания для отказа вернуться в Советский Союз. При этом нужно учесть еще и то, что в случае возвращения Чичибабина неминуемо грозил бы арест. Ученый это, вероятно, понимал. Проникнутое здравым смыслом и достоинством письмо Чичибабина было зачитано 29 декабря 1936 г. на Общем собрании АН СССР. 63 голосами при

шести воздержавшихся он был лишен звания академика.

Чичибабин умер 15 августа 1945 г. во Франции. 22 марта 1990 г. Общее собрание АН СССР приняло следующее постановление: "Восстановить

(посмертно) в составе действительных членов Академии наук СССР Чичибабина Алексея Евгеньевича, отменив постановление Общего собрания АН СССР от 29 декабря 1936 г. № 10 (§ 8)".

Все письма публикуются впервые.

ПОЧЕМУ В СССР ТРУДНО БЫТЬ УЧЕНЫМ

1

А.Е. Чичибабин - В.И. Вернадскому¹

17 апреля 1926 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Так как Вы снова возглавляете КЕПС, то я, как к последней надежде, обращаюсь к Вам с просьбой обратить внимание на мои заявления по Отделу лекарственных растений и алкалоидов о нуждах принадлежащей Отделу лаборатории.

Краткая суть дела в следующем: пока ассигнования на хоз. нужды лаборатории шли непосредственно от Главнауки, лаборатория кое-как могла существовать. Когда распределение перешло в Московское отделение КЕПС, эти средства уменьшились. Наконец, когда мы перешли в финансовом отношении к Ленинградскому КЕПС и Академии наук, фактически мы брошены на произвол судьбы, так как на хоз. нужды весь МОКЕПС получает смешные суммы, из коих видно, что реальными нуждами никто не интересуется.

Ввиду того, что остальные отделы в Москве не имеют своих помещений, для них это почти безразлично, и мои заявления попадали в общий котел и там терялись. Я нарочно приезжал в Ленинград, и от А.Е. Ферсмана² получил обещание поддержки, но по неизвестным мне причинам дело снова, по-видимому, попало под сукно.

Невольно напрашивается невыгодное для Ленинградского КЕПС сравнение с отношением Главнауки, покрывшей наши недоимки при переходе Московского отдела КЕПС и Академии наук.

Уже больше, чем полгода мне приходится почти всецело содержать лабораторию "хозяйственными расчетами", затрачивая много времени и энергии и отвлекая силы сотрудников от научной работы и все же переживая много неприятных минут.

Научное учреждение может нормально существовать и работать лишь при условии, если ему не приходится заботиться о минимальном существовании. Но работать и развивать дело совершенно невозможно в условиях полного равнодушия и небрежения "хозяина", каковым в настоящее время является Ленинградский КЕПС в лице Президиума и Академии наук.

С искренним уважением готовый к услугам

А. Чичибабин

Автограф. Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1815. Л. 2.

2

А.Е. Чичибабин - И.А. Каблукову³

21 июня 1930 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич!

Спасибо Вам за трогательные слова о нашей трагически погибшей Наташе. Ни я, ни Вера Владимировна не можем понять, как может быть, что ее уже нет, не можем примириться с этим. Зачем и куда исчезло это радостное богатое одаренное существо в тот момент, когда оно, казалось, наиболее нужно для жизни? Ее поведение перед смертью показало нам, какой сильный характер был у нее: ведь все время она заботилась только о том, чтобы не слишком волновать нас; ни одного стога, ни тени малодушия. Зачем же создавать такое прекрасное существо, чтобы уничтожить его раньше, чем оно могло сделать в жизни свое дело?

Если бы утешение было возможно, то Ваши слова были бы одними из самых утешительных. Вы выразили то, что мы, родители, поняли вполне лишь в ее предсмертные часы. Спасибо за это, дорогой Иван Алексеевич. Вероятно, она чувствовала Вашу симпатию и со своей стороны она всегда относилась к Вам очень тепло и выражала это часто нам.

Спасибо!

Душевно преданный Вам

А. Чичибабин

Автограф. Архив РАН. Ф. 474. Оп. 3. Д. 881. Л. 6.

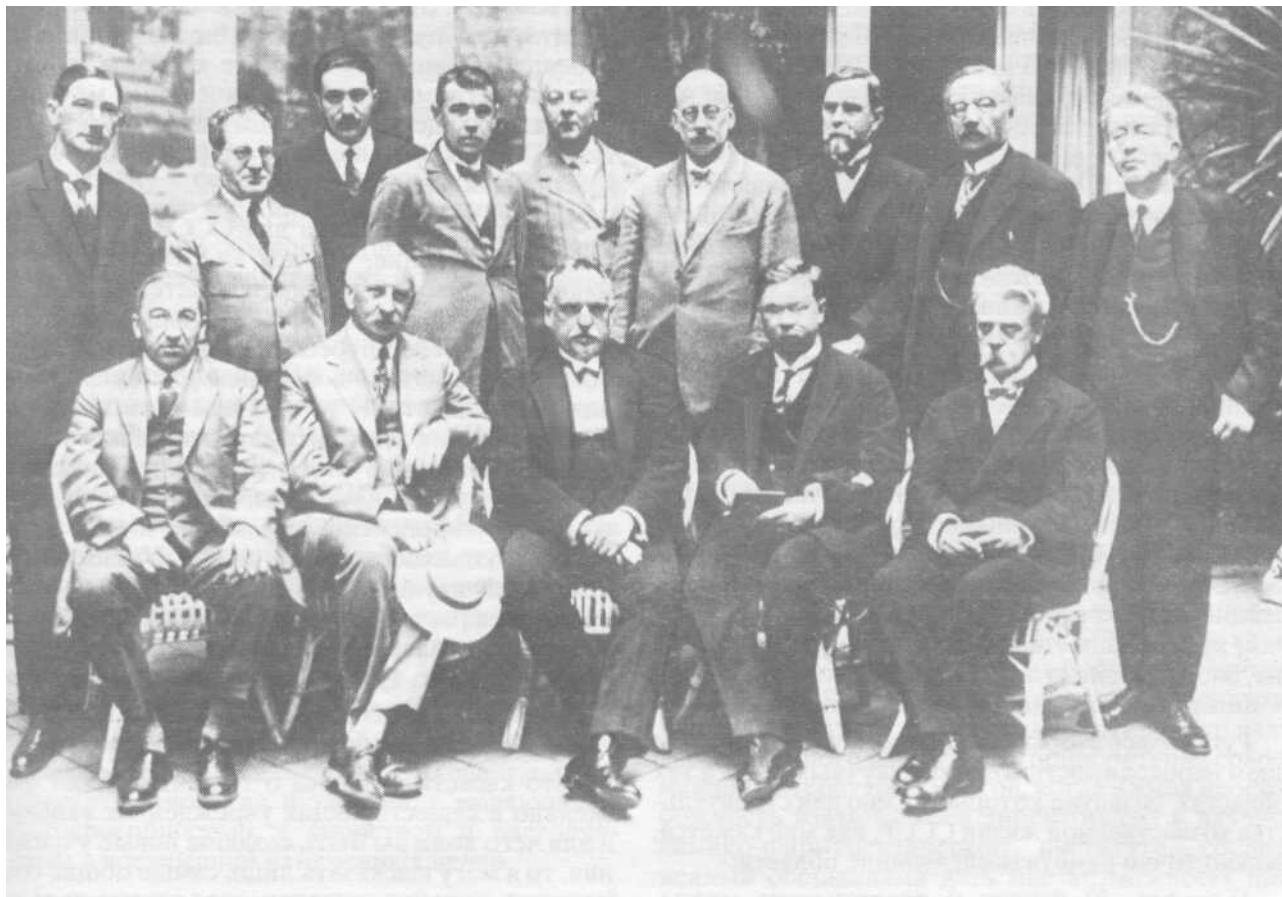
3

А.Е. Чичибабин - А.А. Борисяку⁴

14 сентября 1932 г.

Секретарю Отделения математических и естественных наук.

В исполнение Вашей просьбы от 2-го сентября с.г. относительно присылки материалов для статьи об отделах наук, какие надлежало бы раз-

Выдающиеся российские ученые, участники "недели русской науки" в Берлине (1927). Сидят слева направо: А.И. Абрикосов, А.Ф. Иоффе, Н.А. Семашко, П.П. Лазарев, Н.К. Кольцов. Стоят справа налево: А.А. Борисьяк, А.Е. Чичибабин, В.Н. Ипатьев, В.А. Догель, А.Е. Ферсман и другие. Снимок публикуется впервые.

рабатывать в АН в ближайшую пятилетку, сообщаю нижеследующие соображения, ни в коем случае не претендующие на полноту ввиду недостатка времени и задержки в получении письма, происходящей от моего нахождения за границей.

В основу предположений о необходимости развития тех или других отделов науки, как мне кажется, должны быть положены два принципа:

а) научно-исследовательские учреждения академии должны включать все то, что характеризует прогресс науки в данный момент ее развития. Это необходимо для того, чтобы работники академии могли пользоваться всеми новейшими могучими методами исследования, а не работать устарелыми методами;

б) Академия наук СССР, собравшая лучшие научные силы, должна взять на себя заботу о том, чтобы исследовательская работа, ведущаяся в СССР в целях содействия развитию производств и использованию природных богатств, получила бы здоровое питание и приток полноценных в научном отношении сил в смысле широты эрудиции и систематического исследовательского опыта в данной отрасли науки, а не только в тех ее отде-

лах, которые представляют для промышленности текущий интерес. Иначе говоря, академия должна взять на себя заботу о том, чтобы в тех областях науки, которые представляют большой практический интерес для хозяйственной жизни СССР, создавалась бы научная школа исследователей, имеющих широкий научный кругозор и умеющих применять в своей работе последние методы мировой науки.

Современный период развития органической химии характеризуется двумя важнейшими направлениями. Первое из них состоит в стремительном усилении влияния на органическую химию физики и физических методов исследования. В разрешении вопросов органической химии, кроме прежних физико-химических методов, стали играть колоссальную роль физические исследования свойств молекулы. Здесь прежде всего следует указать на рентгенологические исследования кристаллов и жидкостей, исследования спектров лучей Рамана и другие оптические исследования, исследования электрических свойств молекулы (дипольмомент и прочие), исследования поверхностных явлений на границе двух веществ и прочее и прочее.

Следует обратить особое внимание на то, что здесь ни в коем случае недостаточна работа физика, но совершенно необходимым является воспитание химиков, владеющих физическими и математическими методами, но интересующихся прежде всего веществами, как интересуются ими только химики, то есть отдельными веществами и разгадкой их химических и физических свойств в зависимости от их атомного строения. Несомненно в этой работе нужна кооперация физиков и химиков, но это должна быть кооперация равновеликих сил, а не подчинение одних сил другими.

Вторая характеристическая черта прогресса органической химии в данный момент ее развития - это, если можно так выразиться, возврат ее к органической природе. Превосходнейшие силы химиков-органиков устремлены сейчас на разрешение вопросов о природе ряда веществ, имеющих большое физиологическое значение, в том числе - сложнейших и чисто биологически важнейших, как красящие вещества зеленых растений, крови, вещества желчи, витамины и гормоны, сложнейшие углеводы, белки, каучук, смолы политерпены, стеринны и прочее, и прочее.

Руководясь вторым принципом, то есть признанием необходимости создания научных школ в тех областях, развитие которых важно для строительства хозяйственной жизни СССР, как мне кажется, можно точно наметить следующие области:

1) нефть, 2) каучук и пластические массы, 3) волокнистые вещества и высокомолекулярные углеводы, а также белки, 4) дубильные растения.

В области нефти в СССР ведутся очень ценные исследования в научно-технических институтах, особенно в Институте Грознефти под руководством А.Н. Саханова⁵ и в Москве - С.С. Наметкина⁶, но эти лаборатории перегружены практическими (хотя и неузкопрактическими) заданиями. Совершенно необходимо изучение составных частей нефти, углеводородов, кислот и других веществ, в целях установления их строения. Это особенно необходимо в отношении почти неисследованных циклических углеводородов даже низших фракций нефти, а затем в отношении уже совершенно неисследованных высокомолекулярных углеводородов, а также к кислотам и другим кислородным соединениям, а затем и ко всем остальным составным частям нефти.

В области каучука (кооперации ненасыщенных углеводородов) очень ценны работы особенно проф. С.В. Лебедева⁷. Но и здесь практические цели слишком захватывают наличных работников, и создалась обстановка неблагоприятная для создания школы, охватывающей весь круг научных вопросов, входящих в эту область исследования.

В области волокнистых веществ следует создать школу исследователей, владеющих физическими методами исследования высокомолекуляр-

ных веществ. Здесь опять-таки надо особенно отметить, что задания в этих исследовательских работах должны исходить от химиков, владеющих вышеупомянутыми физическими методами, но также владеющими и химическими методами исследования углеводов и родственных им веществ и для животных волокон.

Дубильные вещества для СССР имеют очень большое значение, так как СССР обладает громадными запасами дубильных растений, могущих иметь большое практическое значение не только для внутреннего потребления, но и открыть широкие перспективы в будущем для экспорта дубильных веществ. И то и другое возможно лишь при условии их научного и практического исследования. Изучение этого класса природных веществ в мировой науке замедлилось отчасти потому, что европейские страны не имеют значительных количеств своего сырья. У нас же в направлении научного изучения составных частей дубильных растений заметное начало было положено лишь заведоваемой мною лабораторией Академии наук. Но по разным причинам продолжение этих работ замедлилось и требует притока новых средств и сил.

Что касается вопроса о том, что может быть сделано в существующих учреждениях академии и для чего должны быть созданы новые учреждения, то я могу высказать лишь самые общие соображения уже ввиду того, что я не в курсе того, что сделала академия за последние два года для своих химических учреждений.

Несомненной мне кажется необходимость создания нового учреждения для химических целей, оборудованного аппаратурой для вышеупомянутых физических исследований построения вещества из атомов. Это учреждение должно быть тесно связано с таким новым учреждением для исследования волокнистых веществ, составляя с ним единое целое.

Исследовательская лаборатория по каучуку также должна обладать научной аппаратурой для новейших физических методов исследования высокомолекулярных веществ.

Исследования нефти могут быть поставлены, частью в лаборатории ак. Н.Д. Зелинского (углеводородов), частью в заведываемой мной лаборатории (нефтяные кислоты, исследованию которых положено основательное начало).

Наконец, исследование дубильных и родственных им веществ может быть поставлено в моей лаборатории, если мое здоровье не позволит развить необходимой энергии, то для этой цели необходимо привлечь химика со значительной эрудицией и исследовательским опытом.

Академик А. Чичибабин

Автограф. Архив РАН. Ф. 379. Оп. 1. Д. 29. Л. 3 - 5.

4

А.Е. Чичибабин - Н.П. Горбунову*24 июня 1936 г.*

Многоуважаемый Николай Петрович!

Моя болезнь задержала мой ответ на Ваше письмо. Перехожу к основному, теперь для меня единственно важному вопросу о моем возвращении.

Я думаю, Вы должны признать, что Ваше письмо не могло содействовать его разрешению.

Позволяю себе сделать отступление персонального характера, мне было прискорбно, что такое письмо написали Вы, человек, к которому я хорошо относился и к которому я и теперь сохраняю доброе чувство. Я сохраняю благодарность к Вам лично и Комитету Химизации как единственному учреждению, кроме МВТУ, оказавшему существенную помощь в моей научной работе. Не изменяют моего отношения и Ваши угрозы, несмотря на то, что они мне доставили много огорчений, так как считаю, что они не вытекают у Вас из дурного источника.

Коренной ошибкой при Вашем сообщении ко мне, как и при некоторых других обращениях из Москвы, является представление обо мне, как о том человеке, каким я был до 1930 года, т.е. как о человеке, полном сил и энергии, с выдающейся работоспособностью, с упорством и настойчивостью в достижении намеченных целей.

На самом же деле, тот ужасный удар, который поразил меня и мою жену пять лет назад, настолько ослабил мою жизнеспособность, что я быстро превратился в старика, в значительной степени утратившего интерес к жизни. Этому содействовало и прогрессирующее ослабление зрения (катаракт). Моими жизненными стимулами остались уход за женой, после нашего несчастья постоянно хворающей, и экспериментальная научная работа. Последняя позволяет забывать окружающее, а ее успехи дают некоторое удовлетворение.

И в прежнее время я мало стремился к внешним почестям. Теперь я их расцениваю еще ниже. Во всяком случае, стимулом для работы внешнее признание ее успехов для меня не является. Я знаю, в какой мере успехи даются рекламой и высоким официальным положением. Мало интересует меня и суд истории, так как я давно пришел к убеждению, что история, в громадном большинстве случаев, есть лишь закрепление на долгое время несправедливости современников.

Беда моя в том, что работать теперь я могу лишь в спокойной обстановке, при отсутствии внешних беспокоящих событий. При наличии последних я теряю равновесие и делаюсь малоработоспособным. Лишь заботы о больной жене давали мне возможность пережить такие моменты.

Я думаю, что с моей стороны не будет преувеличением сказать, что в течение моей жизни я много и бескорыстно, т.е. не из-за денег или по-

честей, работал для своей родины. Отрыв от родины для меня тягостен, тем более, что в здешней жизни я не нахожу ничего, что бы меня привлекало и привязывало. И если я до сих пор не вернулся на родину, то это лишь потому - позволяю себе сказать совершенно откровенно, - что я мало верил в возможность найти для себя там обстановку, при которой я, в моем теперешнем состоянии, остающиеся немногие годы своей жизни мог бы провести в спокойной плодотворной работе. И в настоящее время я опасаясь, что там я буду принужден истратить свои последние жизненные силы, добываясь возможности работать.

В России, а позднее в СССР, я истратил на это значительную часть своих сил. Самой малой склонности к рекламе я приписываю то обстоятельство, что для научных работ я всегда получал лишь крохи, тогда как львиная доля всегда предоставлялась людям, умеющим много обещать, часто, очевидно для меня, бессильным исполнить полностью свои обещания. Даже в самые последние годы моего пребывания в СССР, когда, казалось, я был общепризнанным большим ученым, для своих работ я имел архаическую лабораторную обстановку, тогда как другие получали дворцы и много валюты для приобретения современной литературы. Тот год, когда я имел неосторожность взять на себя директорство в научно-химико-фармацевтическом институте, соблазненный обещаниями дать мне возможность широко развивать работы, был особенно бесплодным в этом смысле. Затратив много сил для упорядочения дела, я получил вначале нового сметного периода кое-какие новые сметные ассигнования. Казалось, налаживалось дело и с новым зданием. Но к концу сметного периода от этого всего не осталось ровно ничего. Позднее другие сумели получить гораздо больше, чем я просил.

В академии мои доклады о работах получали солидное признание их ценности, но никакой реальной поддержки от этого не получалось. И здесь самые скромные надежды в начале сметного периода кончались для меня разбитым корытом в конце его. По-прежнему деньги для работ я должен был добывать с Качнельсоном⁸ в качестве толкача, от хозорганов. И по-прежнему львиную долю их надо было тратить на побочные для лаборатории технические работы, а на долю исследовательской работы оставались по-прежнему жалкие крохи при жалкой обстановке.

Блестяще начатые еще до революции работы с нефтяными кислотами, которые при надлежащем развитии могли бы дать ряд ценных для СССР результатов, не получили никакой поддержки и практически зачахли. Мои скромные ходатайства о поддержке, вероятно, не сохранились в соответствующих учреждениях даже под сукном, куда их обыкновенно укладывали. И немецкий ученый (Браун) имел большой успех, сделав часть из намеченных мною работ, тогда как, смею ут-

верждать, при благоприятных условиях мы бы к этому времени успели сделать гораздо больше.

Еще более блестяще были начаты исследования дубильных экстрактов. Работы эти не только не получили поддержки, но и людской материал, приобретший ценные навыки в этом деле, принужден был рассеяться. И от моей гордой мечты создать в СССР столь нужную для него школу исследований дубильных веществ остались лишь рожки да ножки.

Мои работы по алкалоидам до такой степени мало пользовались поддержкой, что, вероятно, почти никто уже не знает, что родоначальником производства алкалоидов в СССР являюсь я [3]; и я думаю, что и история не вспомнит этой моей роли, а страна, не проявившая своей благодарности поддержкой работ нашей лаборатории, не вспомнит и не проявит благодарности и в будущем.

Работа не заглохла, благодаря контактам с хозяйственными предприятиями. С благодарностью отмечаю небольшую по количеству средств, но существенную по принесенной пользе поддержку Комитета Химизации. Поддержки учреждений, руководящих научными исследованиями, до моего отъезда практически не было. Целый ряд моих заветных мечтаний в области синтеза алкалоидов должен был откладываться из года в год. Сейчас небольшая их часть, в виде синтеза пилокарпина, выполнена Н. Преображенским⁹, опубликовавшим их, противно всем приличиям, без моего имени, а тяжесть руководства этой работой даже "взвалил на себя" Кацнельсон.

И все же, оглядываясь назад, я имею право сказать, что несмотря на отсутствие поддержки, я сделал много. Правда, я совершенно убежден, что родись я в Германии, Англии, С. Штатах или Франции, я сделал бы гораздо больше, так как нашел бы более своевременную оценку и поддержку.

Теперь я стар, у меня разбиты нервы. Хотя я чувствую, что я могу еще сделать в науке кое-что ценное, но для этого совершенно необходимо спокойствие и хотя бы скромная, но современная обстановка для моих научных исследований.

В первые годы моего пребывания здесь я обращался на родину с просьбами о материальной поддержке. Почти все мои просьбы не только не получили удовлетворения, но даже остались без ответа. Без ответа остались и мои выражения желания найти здесь работу для СССР.

Теперь я нашел здесь, на чужбине, скромные, но достаточные условия для научной работы, более спокойные и при всей скромности даже более удобные, чем те, которыми я располагал в СССР. Понемногу я начал, не без успеха, осуществлять мои вышеупомянутые мечты.

Меня тянет на родину. Мне мешает и очень тяготит необходимость тратить время для заработка. Меня тяготит и необходимость думать об имеющем наступить быть может довольно скоро

"черном дне", я по-прежнему хотел бы быть полезным родине.

Но какой смысл не только для меня, но и для СССР, если остаток своей жизни я истрочу, хотя бы и на родине, на усилия добиться возможности работать? Не лучше ли не только для меня, но и для академии и для страны, если я сделаю здесь еще несколько ценных научных работ? Реальная возможность этого есть все, чего я желаю от жизни и чего я прошу.

Очень не хотелось бы, чтобы мои слова об отсутствии в прошлом достаточной поддержки моим работам были поняты, как выражение обиды, на каковое истолкование, конечно, найдется много охотников. Этого чувства и раньше практически не было (в последние годы жизни в СССР я неоднократно говорил близким мне людям, что я считаю себя одним из самых счастливых людей в СССР). Теперь оно исчезло совсем под влиянием философии старчества. Дело - прошлое и обижаться на него теперь так же бессмысленно, как обижаться на камень, некогда свалившийся на голову. Но факты остаются фактами. Я бы только очень не хотел их продолжения по возвращении на родину.

Если "страна" так мало ценит мою работу и теперь, чтобы предоставить мне не словесные обещания, и притом, в большинстве случаев, лиц, не имеющих силы гарантировать исполнение своих добрых намерений (простите мой старческий скептицизм), но готовые условия для немедленного продолжения мною работ, я прошу оставить меня здесь. Если при этом она не находит моей работы достаточно ценной, чтобы помочь мне тратить свои силы исключительно на научную работу, пусть не тратится на это. Пусть предоставит мне возможность доживать свой век и работать, как я захочу и сумею. Я - того мнения, что этого минимума я заслужил и своей жизненной работой, и по возрасту, и по состоянию здоровья...

Но, если, в конце концов, "страна" пожелает заняться добыванием никому не делающего вреда старика, всю жизнь бескорыстно - не из-за денег и не из-за почета - работающего на пользу страны, - пусть это делает. И это меня не удивит, так как справедливости на свете нет и никогда не будет.

По чистой совести, только, не понимаю, кому и зачем это нужно?

Академик А. Чичибабин.

Автограф. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф.978. Оп.3. Д. 126. Л. 15-21.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евтеева П.М.* А.Е. Чичибабин // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 18. История химических наук. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
2. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 978. Оп. 3. Д. 126. Л. 6.

3. *Чичибабин А.Е.* Успехи химии в СССР за последние десять лет. М.: Работник просвещения, 1928.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вернадский Владимир Иванович (1863 - 1945) - основоположник генетической минералогии, биохимии, геохимии, радиогеологии, учения о геосфере и живом веществе, академик с 1912 г. В 1915-1930гг. возглавлял Комиссию по изучению производительных сил России (КЕПС), на базе которой было создано несколько научно-исследовательских институтов.

² Ферсман Александр Евгеньевич (1883 - 1945) - выдающийся геохимик и минералог. Академик с 1919 г. В 1927 -1929 гг. вице-президент АН СССР.

³ Каблуков Иван Алексеевич (1857 - 1942) - физикохимик, с 1932 г. почетный член АН СССР, автор оригинальных работ по теории растворов и неорганической химии.

⁴ Борисяк Алексей Алексеевич (1872 - 1944) - геолог и палеонтолог, академик с 12 января 1929 г., возглавлял научную школу палеонтологии, первый директор Палеонтологического института АН СССР,

академик-секретарь Отделения математических и естественных наук академии.

⁵ Саханов Александр Николаевич - физикохимик, автор работ в области электрохимии неводных растворов.

⁶ Наметкин Сергей Семенович (1876 - 1950) - химик-органик, академик с 1939 г., автор многочисленных работ по химии нефти.

⁷ Лебедев Сергей Васильевич (1874 -1934) - химик-органик, академик с 1932 г., автор классических работ в области синтетического каучука.

⁸ Кацнельсон Моисей Михайлович - сотрудник Чичибабина, до 1932 г. заместитель директора лаборатории, в 1932 - 1936 гг. - ее директор.

⁹ Преображенский Николай Алексеевич (1896 - 1968) - химик-органик, автор работ по химии природных веществ и биологически активных соединений.

Публикация доктора химических наук

Ю.И. СОЛОВЬЕВА